

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017813-7

О цикле ламентаций в “Королеве фей” Спенсера (линия воительницы Бритомарт)

© 2021 г. Е. В. Халтрин-Халтурина

Доктор филологических наук,
доктор философии в области англоязычной филологии (США),
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
el.haltrin@imli.ru

Резюме. Популярной разновидностью плачей английского Возрождения являлись ламентации, фигурирующие в крупных произведениях в качестве поэтических вставок. Несколько вставных плачей имеется в поэме Спенсера “Королева фей”. Примечателен своеобразный цикл в 3-й и 4-й книгах поэмы, в котором предположительно 7 ламентаций. Учитывая существующие исследования, автор статьи по-новому рассматривает следующие отрывки: жалоба девы-воительницы Бритомарт (куртуазная жалоба, положившая начало всему циклу); плач нимфы Кимодокеи о ранениях ее сына и о лживости предсказаний (морская элегия); жалоба принца Артура (обличение ночи и злой судьбы); плач красавицы Флоримеллы (жалоба узницы); три челобитные морской нимфы к богам с просьбой помочь ее сыну Маринеллу и его невесте Флоримелле. Указанный цикл вставных плачей, как и вся поэма “Королева фей”, написан спенсеровой строфой. В статье рассматриваются особенности спенсеровского вставного цикла плачей на фоне вставных поэтических циклов, созданных его современниками Ф. Сидни (“Старая Аркадия”) и У. Шекспиром (“Бесплодные усилия любви”).

Ключевые слова: жанр ламентаций, вставные поэтические циклы, иерархия жанровых форм, добродетель целомудрия в литературе, поэтическая составляющая образа девы-воительницы, Бритомарт, Кимодокея, Маринелл, Флоримелла.

Для цитирования: Халтрин-Халтурина Е.В. О цикле ламентаций в “Королеве фей” Спенсера (линия воительницы Бритомарт) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 61–68. DOI: 10.31857/S241377150017813-7

On Inset Complaints in Spenser’s *the Faerie Queene* (The Britomart Plot)

© 2021 Elena V. Haltrin-Khalturina

Doct. Sci. (Philol.) (Russia),
PhD in English (USA),
Leading Researcher at A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS
25a Povarskaya St., Moscow, 121069, Russia
el.haltrin@imli.ru

Abstract. A special kind of complaint poems appeared as inset pieces within larger literary works of the English Renaissance. One notorious example is Spenser’s grand poem *The Faerie Queene* containing several inset complaints. The article considers a group of inset pieces from Books 3 and 4 of *The Faerie Queene*, which seems to be a 7-part lamentation cycle. Drawing on existing scholarship, the article discusses the following passages: a complaint of the martial maid Britomart (a courtly lament, which triggers the

cycle of lamentations); a complaint of nymph Cymoent concerning her son's wounds and false prophesy (a marine elegy); prince Arthur's complaint (an invective against Night and mishap); Florimell's complaint (a prisoner's lament); three invocations of Cymoent to three gods concerning the troubles of her son Marinell and of his bride Florimell. All these complaints, like the whole poem, are in Spenserian stanza. This study deals with various specifics of Spenser's inset series of complaints comparing it to inset poetic cycles created by Philip Sidney (*the Old Arcadia*) and by William Shakespeare (*Love's Labour's Lost*).

Key words: literary complaint, inset poetic cycles, a hierarchy of generic forms, the virtue of chastity in literature, poetic attributes of the martial maid, Britomart, Cymoent, Marinell, Florimell.

For citation: Haltrin-Khalturina, E.V. *O tsikle lamentatsij v "Koroleve fei" Spensera (liniya voitelnitsy Britomart)* [On Inset Complaints in Spenser's the Faerie Queene (The Britomart Plot)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 61–68. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017813-7

В Великобритании эпохи позднего Ренессанса поэты часто включали в масштабные произведения разнообразные поэтические вставки. Известные произведения такого рода, которые обращали на себя внимание литературоведов, принадлежат Филипу Сидни и Уильяму Шекспиру. Для понимания вставных циклов, фигурирующих в поэме Эдмунда Спенсера “Королева фей”, важно знать этот литературный фон, так как произведения Сидни, Спенсера и Шекспира очень близки по времени создания. Публикация первых книг “Королевы фей” Спенсера (1590) состоялась примерно через девять лет после начала циркуляции рукописи “Старой Аркадии” Сидни (1581) и примерно за восемь лет до появления известного издания “Бесплодных усилий любви” Шекспира (“второе кварто” 1598 г.). Логично, что у всех названных авторов манера обращения с поэтическими вставками обнаруживает общие черты.

В частности, у Сидни и у Шекспира поэтические формы, в том числе сонеты разных типов, чередующиеся с прозой, образуют цикл, служащий в качестве дополнительного содержательно-го стержня всего произведения. Заметим также, что вставной цикл обязательно содержит менее совершенные и более совершенные поэтические формы. Присутствие в тексте “плохой” поэзии объясняется игровым (ludic) контекстом.

Так, в пасторальном романе Филипа Сидни “Старая Аркадия”, который разделен на несколько действий и интермедий, представлена оригинальная иерархия лирических форм, являющих собой “выступления” многих персонажей — от грубых и неумелых риториков до самых благородных и искусных. Причем стилистика поэтических речей зависит не только от статуса говорящего, но и от ситуации: от того, доброе или злое дело данные речи сопровождают. Филип Сидни организует пространство романа подобно пространству драматического произведения, где разные

жанровые формы произносятся в разных частях воображаемой сцены: между театральными “небесами” и “адам”. Низшее место в романе отводится итальянским сонетам, срединное — античным лирическим жанрам, а также средневековой поэзии (фаблио, блазон). Венчают иерархию искусно сложенные английские сонеты (подробнее см.: [1]). Заметим, что сонетов в “Старой Аркадии” представлено немало: из 77 поэтических вставок 24 — разнообразные вариации этой формы. Здесь присутствуют сонеты “смешанные”, где катрены английского сонета сочетаются с итальянским сестетом; сонеты со значимыми рифмами; сонет на две рифмы; английский сонет с “кольцом” из 1-й и 14-й строк. Сидни также использовал редкие формы: терцинный сонет, “коррелятивный” сонет (букв. correlative verse) и др. Кроме того, в “Старой Аркадии” Сидни создал несколько усеченных и удлиненных сонетов. Всё это разнообразие форм благодаря прозаическому тексту-комментариям оказывается упорядочено иерархически. Причем в романе одни поэтические вставки связываются с добродетельными поступками, другие — с греховными.

Любопытный вставной поэтический цикл представлен также у Уильяма Шекспира. Имеется в виду не известное собрание “Сонетов”, опубликованное вместе с “Плачем влюбленной” в 1609 г., и не компилятивные сборники “Страстный пилигрим” (1599) и “Английский Геликон” (1600), куда вошли некоторые сонеты Шекспира, а комедия “Бесплодные усилия любви” (1598), где разные герои, прежде всего влюбленные мужчины, упражняются в стихосложении. Коль скоро не все сонеты им удаются (часть из них обрывочны и сливаются с другими речами персонажей, часть получилась “неправильной” формы — и драматург потешается над неловкими творческими потугами нескольких поэтов), то точно назвать, сколько вставных 14-стиший присутствует в этой

комедии, не представляется возможным. Исследователи ведут подсчет по-разному¹. Поскольку в данной пьесе придворные дамы испытывают кавалеров на грациозность (ср. *sprezzatura*) в делах и в речах, — то вставной сонетный цикл можно рассматривать как поэтическое поле битвы, где скрещивают словесные шпаги не только поэты-мужчины, но и вдохновляющие их женщины (например, в сонете-диалоге из 5-го акта поэтическими репликами обмениваются король Фердинанд и французская принцесса). Смысл объединения нескольких экспериментальных сонетов в один цикл внутри шекспировской комедии, по-видимому, прочитывается в стремлении постичь совершенство этой любовно-поэтической формы — совершенство, приблизившись к которому Бирон (самый одаренный из соперников) в итоге отступает, нарочито и комично не достигая идеала.

Отметим еще одно немаловажное наблюдение о вставных поэтических циклах того ареала и того времени. Градация поэтических форм и экзерсисов обязательно соотносится у Сидни и Шекспира с другими многоуровневыми системами, организованными по принципу подчинения низших творений высшим. Наиболее совершенное поэтическое творение способен сочинить лишь тот, кто, находясь на достаточно высоких ступенях социальной иерархии (и в силу этого обладая необходимым знанием), постоянно совершенствуется в добродетелях. В художественных системах елизаветинцев отступление от добродетелей неизменно карается утратой поэтического дара. Яркие примеры тому — поэтические “провалы” короля Базилия в “Старой Аркадии” Сидни и короля Фердинанда в “Бесплодных усилиях любви” Шекспира.

Тактика соотношения поэтических вставок с определенными моральными и нравственными качествами персонажей, обнаруживающаяся у Сидни и Шекспира, очень близка Спенсеру. Список этих моральных качеств варьируется от автора к автору, что позволяет творчески видоизменять и вставную жанровую подборку. Если

¹ Разнообразную стратегию подсчета вставных сонетов легко обнаружить, обратившись к научным изданиям Шекспира. К примеру, в оксфордском, а затем и в нортонском ПСС Шекспира [2]; [3] комментаторы сочли необходимым отметить только сонеты 4-го акта. Обходя некоторые из этих сонетов, арденское научное издание (3 серия) обращает внимание читателей на 6 сонетов в пьесе [4, р. 117]. В издании серии “Литературные памятники” мы охарактеризовали вставной сонетный цикл в пьесе, состоящий из 8 стихотворений, причем сонеты из 1 акта (1.1. 80–93); (1.1. 160–174) там не рассматривались [5].

в шекспировских “Бесплодных усилиях любви” вставной поэтический цикл состоял из сонетов разного качества и разной степени завершенности, причем лучший сонет предполагал соответствие этике “непринужденной грациозности”, то в “Королеве фей”, написанной спенсеровой строфой, сонеты вовсе отсутствуют (если не считать подборки сонетов, предпосланных поэме в качестве посвятительной части). У Спенсера вставные поэтические триумфы, хроники, фавлю, плачи и пр. соотносятся не столько с идеей “непринужденной грациозности”, сколько со специально составленным, авторским, списком добродетелей (подробнее см. научный аппарат в изд.: [6]).

В самом деле: поэма Эдмунда Спенсера строится вокруг путешествий рыцарей, которые по заданию царицы эльфийской страны должны отстаивать 12 добродетелей. Какие пороки встречаются на пути постижения той или иной добродетели, какие искушения могут увести в сторону от заданного пути, какие нравственные и духовные усилия укрепляют рыцарей-искателей, — всё это в духе протестантских трактатов о воспитании (причем воспитании людей благородных сословий) здесь изобретательно и поэтично описано. В дошедших до нас книгах поэмы фигурируют 6 рыцарей, отстаивающих соответственно 6 добродетелей: Красный рыцарь по имени Сент-Герорг является защитником святости, рыцарь Гийон — умеренности, дева-воительница Бритомарт — целомудрия, рыцари Кэмбел и Триамон — дружелюбия, витязь Артегал — правосудности, сэр Калидор — учтивости. В поэме также выведен принц Артур, который помогает всем рыцарям выстоять в трудных испытаниях и самолично отстаивает добродетель великолепия.

Разумеется, в поэме Спенсера вставные поэтические формы и жанры оказываются неравноценны по своей стилевой значимости и “статусной” роли: все они подчинены сложной иерархии ценностей. На разных ступенях этой иерархии располагаются божества, эльфы, люди, животные. Добродетельные создания, безусловно, находятся выше греховных. Соответственно, один и тот же жанр может быть представлен в восприятии разных персонажей и в нескольких вариациях.

К примеру, в текст поэмы “Королева фей” (кн. 2, песнь 10) включены фрагменты двух разных “хроник”. Первая более мрачная, насыщенная историей войн: это летопись истории человеческого рода, с которой важно ознакомиться принцу Артуру как представителю рода людей. Другая вставная хроника богата дивными событиями: это анналы эльфийской истории,

прочитанные эльфийским рыцарем Гийоном. Соответственно стратифицированы и разножанровые тексты, с которыми тесно соприкасаются другие персонажи. В частности, в поэме имеется несколько описаний триумфов (своеобразные поэтические шествия-“маски”). Наряду с триумфами, благородными и вдохновляющими на добрые чувства (свадебное шествие британских рек в кн. 4 и триумф времени во фрагменте кн. 7), в поэме Спенсера представлены шествия-искушения, испытывающие рыцарей на добродетельность: с триумфом грехов встречается Красный рыцарь, с триумфом Купидона — дева-воительница Бритомарт. Линию не вполне целомудренного рыцаря Сатирона обогащают вставные фаблио (этот малый жанр в других рыцарских линиях вовсе не фигурирует), а приключения девы-рыцаря расцвечены циклом lamentаций — жанром, с которым из рыцарей-мужчин соприкасается только принц Артур (да и то лишь потому, что он помогает всем добрым витязям поэмы, включая и деву-воительницу Бритомарт).

На вставном цикле lamentаций мы остановим наше внимание, попытаюсь понять, какую задачу он решает в поэме “Королева фей” в контексте спенсеровской легенды о целомудрии.

* * *

Дева-воительница Бритомарт (к чьей сюжетной линии относится вставной цикл плачей) с помощью волшебства эльфийской царицы Глорианы и кудесника Мерлина прибывает в Страну фей из Британии VI в., чтобы отыскать там своего суженого рыцаря Артегала и поспособствовать прославлению добродетели целомудрия. Дело в том, что, по Спенсеру, целомудренными могли быть не только те, кто хранит обет безбрачия, но и благочестивые супруги [7]. Бритомарт прекрасно подходила на роль заступницы этой добродетели как в своем изначально девическом облике, так и позднее, в ипостаси благочинной супруги.

Отдельными чертами спенсеровская Бритомарт напоминает Брадаманту из поэм Боярдо и Ариосто (она внемлет пророчествам Мерлина и случайно внушает любовную страсть колдунье, принявшей деву-воительницу за юношу). Имя Бритомарт созвучно с именем древнегреческой нимфы Бритомартиды, покровительствующей охотникам и рыболовам. В английском языке имя “Britomart” читалось как значимое: его первая часть “Brit” ассоциировалось с Британией, а вторая часть “mart” — с воинской доблестью (martial). Вот почему Спенсер в “Королеве фей” выводит Бритомарт в качестве героини, которой

по возвращении в родную Британию VI в. суждено сделаться далекой прародительницей властной королевы-девственницы Елизаветы I Тюдор (подробнее о Бритомарт см., например: [8]).

Сопоставление спенсеровской Бритомарт с правящей королевой Англии, вероятно, накладывало на поэта, пишущего для двора, некоторые этические обязательства. Он избегает сравнения девы-воительницы с валькириями и другими представительницами разрушительного женского начала. У Спенсера Бритомарт в силу своей добродетельности и истинной целомудренности откровенно противопоставляется тем женщинам, которые отличаются кровожадностью, и тем, у кого размыта гендерная самоидентификация. Противопоставление это актуализируется на игровом плане поэмы и обрастает ироническими зарисовками. Так, Бритомарт вынуждена отправиться в страну жестоких амазонок, чтобы вызволить из плена своего суженого. Она вступает в битву с королевой вражеского женского племени — с недобродетельной воительницей — и побеждает ее (кн. 5). Любопытна также двусмысленная ситуация: дева Бритомарт требуется остановиться на ночлег в замке, куда допускаются лишь гетеросексуальные пары (Castle for Couples), а она — дева в костюме мужчины — сопровождает другую деву: преследуемую принцессу. Воительнице Бритомарт приходится обнаружить смекалку и отвагу, чтобы устроить себя с принцессой на ночлег и с честью сохранить гетеросексуальную добродетельность (кн. 4). В “Королеве фей”, разумеется, описаны ситуации и другого рода: когда мужской костюм, скрывающий девичий облик, позволяет воительнице пройти там, где все доблестные мужи терпят поражение (см. кн. 3: объятый пламенем вход во дворец колдуна Бизирейна).

Акцентирование добродетельности в облике и судьбе Бритомарт, перенесение черт разрушительницы и блудницы на иных персонажей, враждующих с ней, наблюдаются и в других книгах “Королевы фей”, когда Бритомарт сбрасывает латы и готовится обручиться со своим суженым. (Подробнее о типологии сюжетов о воительнице и о связанных с этой фигурой топосах и мотивах см., например: [9, с. 22–62].) Это превращение целомудренной девы-воительницы в целомудренную женщину осуществляется в храме богини Исиды, где Бритомарт отдыхает от ратных подвигов. В храме ей снится вещий сон, в храме она участвует в трех обрядах: инициации, коронации, бракосочетания (кн. 5).

Еще одна важная характеристика, которой Спенсер наделяет деву-воительницу, — жанрово-поэтическая: Бритомарт обретает голос и дает

волю своим чувствам не в фавлю, не в гимне, не в клятве, не в проповеди, а в любовной жалобе – в плаче, ламентации.

Здесь не имеет смысла останавливаться на истории английского “елизаветинского плача”, вобравшего в себя средневековые традиции, отголоски из Овидия, Петрарки, Чосера, Дю Белле и др., так как этому вопросу посвящено немало серьезных исследований (см., например: [10]; [11]). Сошлюсь только на следующие наблюдения, сделанные учеными: в английской литературе тюдоровской эпохи обрели популярность циклы плачей, обрамленные дополнительным нарративом; кроме того, в плачах нашли отражение многообразные оттенки страданий влюбленной или оскорбленной насилем женщины (сводный перечень иллюстраций к этим положениям см.: [12]). В терминологии елизаветинского времени английские термины *complaint* и *lament* были взаимозаменяемы и подразумевали не только скорбные плачи, но и разного рода жалобы. Вот почему шекспировскую поэму “A Lover’s Complaint” традиционно переводят на русский язык как “Жалоба влюбленной” или “Плач влюбленной”. Важно также принять во внимание, что Спенсер имел немалый опыт работы в этом жанре: помимо вставного цикла жалоб в “Королеве фей” он создал отдельный сборник ламентаций (“Complaints”, 1590), куда вошло девять знаменитых произведений (“Руины времени”, “Слезы муз”, “Развалины Рима”, “Муирпотмос, или Судьба мотылька”, “Из видений Дю Белле” и др.).

Вставной цикл плачей, к которому привлечено внимание в этой статье, состоит, по моему подсчету, из семи ламентаций, разбросанных по 3–4 кн. “Королевы фей”. Первые три ламентации были опубликованы Спенсером в 1590 г. Исследователи иногда рассматривают их как цикл, или точнее, как “маленькую вставную антологию разнородных плачей” [13], делая акцент на их тематическом многообразии. Однако мне не приходилось встречать публикаций о том, что этот цикл из трех ламентаций обретает продолжение в кн. 4 (опубл. 1596). Между тем жалобы, произнесенные персонажами в 12-й песне кн. 4 “Королевы фей”, завершают историю о nereide Кимодокее и ее сыне Маринелле, начатую в кн. 3 любовным плачем девы-воительницы Бритомарт. Таким образом, серия не из трех, а из семи плачей не только укладывается в одну сюжетную линию (приключения Бритомарт), но и охватывается одной вставной историей, наглядно уточняющей суть истинного и ложного целомудрия.

Не прерывая поток спенсеровых строф, которыми написана поэма “Королева фей”, поэт четко выделяет плачи персонажей специальным метаязыком, пояснениями. Например: “Thereat she sighed deepe, and after thus complained” (3.4.7, “При этом, глубоко вздохнув, она вознесла следующую жалобу”). Вставные плачи отличаются от обрамляющего текста минорным звучанием, обращением к теме *contemptus mundi* (“презрение к миру” и к мирским нуждам), они насыщены сетованиями, протестами и обличениями. Ламентации звучат из уст трех женщин (дева-воительница, мать-нереида, эльфийская леди) и одного мужчины (принц Артур).

Перейдем к содержанию плачей и обрамляющей их истории.

Запутанные дороги Страны фей приводят деву-воительницу Бритомарт в глухой край, к так называемому Златому Брегу (Rich Strond), усыпанному редкими драгоценностями: это полоска суши, периодически затопляемая океаном. Россыпи жемчуга, лалов и алмазов, по велению Нерея, постоянно пополняет прилив, приносящий со дна океана природные богатства, клады ушедших под воду городов, грузы затонувших кораблей.

Хранитель драгоценного побережья – внук Нерея, необычайно целомудренный красавец-юноша по имени Маринелл. Однако, как покажет ход событий, его целомудрие неестественное, насильственное, оно не достойно подражания. Маринелл сторонится девушек, словно чумы. Вести жизнь убежденного холостяка его заставила заботливая мать, nereида по имени Кимодокея (Сумоент), которая узнала из предсказания, сделанного богом Протеем, что ее сыну грозит гибель от рук прекрасной девы. Зная, что Маринелл, родившийся от смертного отца, тоже не вечен, бессмертная Кимодокея стремится отдалить мрачный час разлуки с сыном и бдительно его опекает. Не отказывая сыну в роскоши, она поместила его в “золотую клетку”, наотрез запретив видиться с добродетельной и прекрасной Флоримеллой, чистосердечно полюбившей юношу и мечтавшей стать его невестой. Впрочем, сердце юноши пока еще не узнало любви, и к Флоримелле он оставался холоден. Несмотря на женскую опеку матери-нереиды и ее сестер, Маринелл вырос достойным воином: ему приходилось неусыпно защищать Златой Брег от грабителей. Многие воины желали завладеть рассыпанной по берегу добычей, их всех Маринелл побеждал в честном бою.

Однако заботливая мать-нереида не была готова к случайному появлению в этих краях девы-воительницы Бритомарт, прятанной свои длинные косы под шлемом и походившей в рыцарском облачении на прекрасного юношу. Не ожидал встретить деву в облики воина и Маринелл.

Между тем, Бритомарт, странствующая по Стране фей, потеряла дорогу и в растерянности остановилась на самом берегу океана. В минуту усталости и отчаяния она позволяет коню немного отдохнуть, снимает с себя шлем, распускает волосы и, озирая горизонт, дает волю чувствам (**первый плач** цикла). Это редкий момент, когда дева-воительница разрешает себе проронить слезу и произнести трогательный монолог о неразделенной любви к прекрасному витязю, которого она видела только в магическом хрустальном шаре, а наяву найти никак не может. Плач строится на известной метафоре суденышка, гонимого разбушевавшимися волнами безбрежного океана. Бритомарт сравнивает себя с этим суденышком и просит у богов помощи, просит путеводной звезды, которая укажет ей путь в родную гавань. В жалобе Бритомарт звучат петраркистские интонации [14], которые обычно звучали в сонетах английского Ренессанса. Поглощенная переживаниями, дева-воительница не обращает никакого внимания на рассыпанные у нее под ногами драгоценности: она равнодушна к ним.

Маринелл, однако, заметив вдали фигуру спешившегося витязя, не знал, что для этой остановки могут быть иные мотивы, чем жажда наживы, и ринулся к предполагаемому грабителю с намерением того покарать. Почти комическое недопонимание ситуации и идентичности противника заканчивается для Маринелла плачевно: Бритомарт, поразив его копьем, покидает негостеприимный Златой Брег, не подняв с песка ни монетки. Маринелл, рухнув на землю и истекая кровью, погружается в беспомощность, так и не узнав, что принял смертельный удар от руки прекрасной девы. Казалось бы, предсказание Протея сбылось. Однако сразила юношу не любовь, а гнев и непонимание того факта, что действиями людей может руководить не страсть к богатствам, а глубокие сердечные чувства.

Второй плач вставного цикла (в спенсероведении его еще называют “морской элегией”) звучит из уст нереиды Кимодокеи. Ламентация матери пронизана беспомощностью и растерянностью, ведь с предсказанием о судьбе сына, в которое она свято верила, произошла какая-то досадная ошибка. Беду не удалось предотвратить. Но что это за ошибка, нереида понять не может: она

не знает, какой рыцарь сразил ее сына. Ясно одно: сынок погиб не от любви. Четыре спенсеровы строфы заключают в себе плач горестной матери, а еще несколько строф служат обрамлением-комментарием к этому плачу.

Комментарий Спенсера при всей торжественности и серьезности тона полон иронии. Поэт, разумеется, чтит чувства матери и не глумится над горем. Однако он совершенно ясно показывает, что бессмертная Кимодокея не в состоянии по-настоящему понять, что такое смерть. Поэт также разбрасывает по тексту намеки, которые позволяют думать, что ополумевшая мать-нереида ошибается, полагая что предсказание сбылось и Маринелл действительно погиб.

В поэме описано, как она приняла новость о тяжелом ранении сына. Беззаботно играя в кругу сестер-нереид, вечно юная и шаловливая Кимодокея, вдруг слышит злополучную весть. Но она не умеет скорбеть, и ее кручина выглядит как театральная игра. Курьезность этого зрелища Спенсер описывает, не жалея красок. Кимодокея разрывает только что сплетенные ею гирлянды из цветов и, взлохматив свои длинные волосы, распластывается на теплом пляжном берегу. Она лежит так некоторое время не дыша, чтобы ее сестры заголосили и залились слезами. Затем, вызвав морские колесницы, она, в сопровождении большого хора плакальщиц, под взорами Нептуна и морских чудищ, изумленно разинувших пасти, мчится к Златому Брегу. Там, увидев сына, лежащего в крови, Кимодокея трижды, как пишет Спенсер, упадает в обморок, а затем красиво подпекает хору сестер-нереид. Наконец обнаружив, что сын не убит, а ранен, обрадованная нереида находит лучших врачей-лечителей, способных вылечить его от ран телесных.

Тем временем прекрасная Флоримелла узнает, что ее возлюбленный Маринелл ранен. Она немедленно оставляет двор королевы фей и отправляется на поиски юноши, встречая на пути череду опасностей и едва не попадая в руки насильников. Свидетелем одной такой погони становится принц Артур, он скачет следом, чтобы выручить красавицу из беды. Однако быстро сгустившиеся сумерки препятствуют благим намерениям: Артур теряет беглянку и ее преследователя из виду. Раздосадованный неудачей принц высказывает свое крайнее неудовольствие в форме поэтической жалобы. Это **третий плач** вставного цикла, своеобразное обличение ночи, которая не только “не шлет отрады и забвенья” (если процитировать арию князя Игоря из оперы 1881 г.), но является главной причиной промаха доблестного рыцаря.

Ламентация принца Артура (объемом в 4 спенсеровы строфы) — не что иное, как сетование воина, несущего на своих плечах ответственность за судьбы многих людей и допустившего серьезную ошибку. Во вставном цикле плачей в “Королеве фей” это единственный “не женский” плач. В результате допущенного Артуром промедления Флоримелла попадает в плен к морскому боже-ству Протею, тому самому лукавому прорицателю, чьи вещие речи внушили Маринеллу ложное целомудрие.

Круг прорицаний, их толкований, разочарований и ламентаций замыкается в следующей, четвертой книге поэмы “Королева фей”, посвященной добродетели дружбы. Кстати говоря, именно в этой книге целомудренная Бритомарт находит наконец своего суженого Артегала, случайно одержав над ним победу в рыцарском турнире. Итог истории о Маринелле тоже благополучен, но прежде юноше приходится постоять за верное понимание добродетели целомудрия и за свою любовь.

Вернемся к циклу ламентаций.

Четвертый плач вырывается из уст заключенной в подводной темнице Протея красавицы Флоримеллы. Протей покушается на честь девушки, и ее стенания — это одновременно жалоба узницы и жалоба влюбленной (состоит из 5 спенсеровых строф). Несвобода, ожидание насилия со стороны ненавистного Протея усиливают минорный тон девических раздумий. А безответная любовь, которую Флоримелла питает к Маринеллу, полна безысходности. Плач узницы случайно достигает ушей оправляющегося от ран Маринелла, который вместе с матерью-нереедой прибыл в подводный замок Протея на празднование свадьбы двух рек: Темзы и Медуэй. На шумное пиршество собрались тысячи приглашенных гостей: нимфы многочисленных рек, ручьев, озер, морей (их триумфальное шествие подробно описано Спенсером). Маринелл, будучи смертным, не мог посещать все покои подводного замка и бродил в одиночестве там, где оставался доступ к воздуху. Здесь он и услышал доносящийся из подземелья замка стон, наконец тронувший его сердце.

Юноша откликается на любовь Флоримеллы, перестает слепо следовать приказам своей матери и убеждает ее заступиться за узницу Протея. Нереида Кимодокея обращается с плачами-ходатайствами к трем богам: к Трифону, Аполлону и Нептуну. Это **три заключительные плача (пятый, шестой и седьмой)** вставного цикла Спенсера. Боги призывают Протея чтить добродетельность и освобождают из его темницы красавицу Флоримеллу.

Рассмотренный нами вставной цикл из семи ламентаций в кн. 3–4 поэмы “Королева фей” примечателен тем, что Спенсер отмечает плачами поворотные моменты в историях персонажей, пытающихся постичь истинное целомудрие. Ни меланхолия, ни слепая вера в нравоучения и предсказания, ни сам по себе затворнический образ жизни не ведут к целомудрию. Так, Маринелл, сын нерееды Кимодокеи, долгие годы старался блюсти обет целомудрия, но целомудрия неестественного, навязанного хитрым Протеем. Появление девы-воительницы Бритомарт, защитницы истинного целомудрия, оказывается для Маринеллы очень болезненным, разрушает тот безмятежный и иллюзорный мир, который старательно создавала его заботливая, но не очень мудрая мать, слепо верившая предсказаниям многоликого Протея. Однако постепенно nereида и ее сын начинают прислушиваются к мудрости сердца и принимают в свою семью красавицу Флоримеллу. Каждый плач цикла отмечает болезненный этап на этом пути прозрения. Герои плачут, потому что им горько и больно, и потому, что от них скрыта полная картина происходящего. К концу цикла герои Спенсера усваивают урок не только истинного целомудрия, но и сердечного дружелюбия. Вереница плачей, послужившая прояснению сути добродетели целомудрия, завершается.

Эта логика организации спенсеровского цикла плачей созвучна логике Сидни, иерархически упорядочившего поэтические формы (в зависимости от степени благородства и добродетельности произносящих их персонажей) внутри пасторального романа “Старая Аркадия”, и логике Шекспира, подвергшего этической градации несколько типов несовершенных сонетов внутри комедии “Бесплодные усилия любви”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Халтрин-Халтурина Е.В. Антология поэтических форм в “Старой Аркадии” Филипа Сидни // Стих и проза в европейских литературах Средних веков и Возрождения / Отв. ред. Л.В. Евдокимова; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 2006. С. 117–136. [Haltrin-Khalturina, E.V. *Antologiya poeticheskikh form v “Staroi Arkadii” Filipa Sidni* [An Anthology of Poetic Forms in Philip Sidney's “Old Arcadia”]. *Stikh i proza v evropeiskikh literaturakh Srednikh vekov i Vozrozhdeniya* [Combinations of Poetry and Prose in European Literatures of Medieval Ages and Renaissance]. Ed. by L.V. Yevdokimova. Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 117–136. (In Russ.)].
2. *The Complete Works of William Shakespeare*, Gen. eds. Stanley Wells and Gary Taylor; Eds. Stanley Wells et

- al. Oxford, Clarendon Press; N.Y., Oxford Univ. Press, 1988. XLIX+1274 p.
3. *The Norton Shakespeare*, Gen. ed. Stephen Greenblatt; Eds. Walter Cohen, Jean E. Howard, Katharine Eisaman Maus; with an essay on the Shakespearean stage by Andrew Gurr. N.Y., W.W. Norton, 1997. XVI+3420 p.
 4. Shakespeare, W. *Love's Labour's Lost*, ed. by H.R. Woudhuysen. L., Bloomsbury, 1998. XVII+374 p. (The Arden Shakespeare, 3rd Series).
 5. Халтрин-Халтурина Е.В. Сонетные вставки в пьесах Шекспира // Шекспир. Сонеты / Отв. ред. А.Н. Горбунов. М.: Наука, 2016. С. 725–769. (серия “Литературные памятники”). [Haltrin-Khalturina, E.V. *Sonetnye vstavki v piesakh Shekspira* [Inset Sonnets in Shakespeare's Plays]. *Shekspir. Sonety* [Shakespeare. Sonnets: A Critical Edition, Ed. by A.N. Gorbunov]. Moscow, Nauka Publ., 2016, pp. 725–769. (In Russ.)].
 6. Spenser, Edmund. *The Faerie Queene*, ed. Hamilton A.C., rev. 2nd ed.; text ed. by H. Yamashita, T. Suzuki. L. and N.Y., Routledge, 2001. 816 p.
 7. Kaske, Carol V. “Chastity”. *The Spenser Encyclopedia*, gen. ed. A.C. Hamilton. Toronto; Buffalo; London, Univ. of Toronto Press, 1990. P. 142–144.
 8. Anderson, Judith H. “Britomart”. *The Spenser Encyclopedia*, gen. ed. A.C. Hamilton. Toronto; Buffalo; London, Univ. of Toronto Press, 1990. P. 113–115.
 9. Зусева-Озкан В.Б. Дева-воительница в литературе русского модернизма. М.: Индрик, 2021. 712 с. [Zuseva-Ozkan, V.B. *Deva-voitel'nitsa v literature russkogo modernizma* [Women Warriors in the Literature of Russian Modernism]. Moscow, Indrik Publ., 2021. 712 p. (In Russ.)].
 10. Stein, H. *Studies in Spenser's Complaints*. N.Y., Oxford Univ. Press, 1934. X+195 p.
 11. Brown, R.D. ‘The New Poet’: *Novelty and Tradition in Spenser's Complaints*. Liverpool, Liverpool Univ. Press, 1999. X+293 p.
 12. Maclean, Hugh. “Complaints”. *The Spenser Encyclopedia*, gen. ed. A.C. Hamilton. Toronto; Buffalo; London, Univ. of Toronto Press, 1990. P. 177–181.
 13. Crampton, Georgia Ronan. “Spenser's Lyric Theodicy: The Complaints of the Faerie Queene III.IV.” *ELH*, vol. 44, no. 2, Johns Hopkins University Press, 1977, pp. 205–21, <https://doi.org/10.2307/2872665>
 14. Shilling, Alana D. “The Worth of the Imperfect Memory: Allusion and Fictions of Continuity in Petrarch and Spenser.” *MLN*, vol. 125, no. 5, The Johns Hopkins University Press, 2010, pp. 1075–97, <http://www.jstor.org/stable/23012519>

Дата поступления материала в редакцию: 24 сентября 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 5 октября 2021 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2021 г.

Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on September 24, 2021

Revised on October 5, 2021

Accepted on October 15, 2021

Date of publication: December 31, 2021